

Вертикальные мифологические системы в цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»

Павельева Анна Константиновна

Аспирантка Полтавского национального педагогического университета

им.В. Г. Короленка

Вертикальная картина мира гоголевских повестей построена главным образом на двучленных и трёхчленных мифологических системах земля – небо и вода или подземный мир/пекло – земля – небо. Чаще всего в цикле встречается двучленная вертикаль небо/земля. Небо в повестях Н. В. Гоголя не просто противопоставляется Земле по оси верх/низ. Это – «голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землёю», «необъятный небесный свод». В то же время Небо и Земля в повестях цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» являются воплощением мужского и женского начала. У Гоголя «голубой неизмеримый океан <...> заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную (землю – А.П.) в воздушных объятиях своих» [Гоголь: 14]. Однако Небо в гоголевских повестях выступает как мужское начало только тогда, когда воздушная стихия сливается с водной, то есть, в роли Неба-Океана. Небо по отношению к Океану (воде) символизирует женское начало: «как бессильный старец, держал он (пруд – А.П.) в холодных объятиях своих далекое, темное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звезды» [Там же: 57].

Вертикальная ось мира представлена в повестях Гоголя не только как противопоставление неба и земли, но как отражение неба в воде: «небо, его чистое зеркало – река в зеленых, гордо поднятых рамах...» [Там же: 14-15]; «небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы – все опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую прекрасную бездну» [Там же: 16]. Подобные противопоставления встречаются в ранней прозе Гоголя довольно часто. Например, в повести «Страшная месть» Днепр и межгорные озёра не просто отражают небо, но подчеркивают его глубину: «Горы те – не горы: подошвы у них нет, внизу их как и вверху, острая вершина, и под ними и над ними высокое небо <...> и в верхней половине и в нижней половине прогуливается месяц» [Там же: 141]. Два океана – воздушный и водный, удлиняют вертикальную ось мира (обычно ограниченную в рамках «небо – земля») до бесконечности. Даже жаворонок у Гоголя дрожит «вверху только, в небесной глубине», а не высоте [Там же: 14].

В двучленной мифологической системе горы занимают промежуточное положение, являясь символом единения неба и земли. Таким образом, вырисовывается вертикаль небо–горы–земля/вода. Так, в повести «Страшная месть» автор использует гиперболизированное описание Карпат. В данном произведении горы (как и лестница, река или Мировое Дерево) являются неким промежуточным звеном между верхом и низом (небом и землёй): «не задорное ли море выбежало в бурю из широких берегов, вскинуло вихрем безобразные волны, и они, окаменев, остались недвижимы в воздухе? Не оборвались ли с неба тяжелые тучи и загромождали собою землю? ибо и на них такой же серый цвет, а белая верхушка блестит и искрится при солнце» [Там же: 166].

Примечательно, что повесть «Страшная месть» имеет наиболее сложную пространственно-временную структуру. Здесь пространственная двухуровневая вертикаль (небо-земля) удлиняется и трансформируется в две четырёхуровневые вертикали: небо–горы–земля/вода–«провалы» (в мифическом времени), и небо–горы–«провалы»–подземелье (в историческом времени). В мифологической картине мира эта вертикаль обычно имеет две оси: небо–земля и земля–«провалы». «...Есть между горами провал, в провале dna никто не видал; сколько от земли до неба, столько (от земли – А.П.) до dna того провала», – пишет Гоголь [Там же: 174]. В исторической картине мира четырёхуровневая вертикаль состоит из осей небо–горы и горы–провалы–подземелье: «и доныне стоит на Карпате на коне дивный рыцарь, и видит, как

в бездонном провале грызут мертвецы мертвеца, и чует, как лежащий под землею мертвец растёт...» [Там же: 176].

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» также можно обнаружить две демонические вертикали, которые являются своеобразной трансформацией модели Мирового Дерева. Петрусь спустился в глубокий яр, где «сундук стал уходить в землю, и все, чем далее, глубже, глубже; а позади его слышался хохот, более схожий с змеиным шипеньем» [Там же: 47]. Автор не случайно упоминает о «змеином шипении». В соответствии с мифологическими представлениями у корней Мирового Дерева обычно находится змей. Детали текста свидетельствуют о том, что клад находился в нижнем по отношению к человеческому миру пространстве, а Петрусь – в нижнем по отношению к верхнему (небесному) миру. Вторую демоническую вертикаль находим в конце повести. Гоголь пишет, что в развалившемся шинке «из закоптевшей трубы столбом валил дым и, поднявшись высоко, так, что посмотреть – шапка валилась, рассыпался горячими угольями по всей степи», а чёрт «так всхлипывал жалобно в своей конуре, что испуганные гайвороны стаями подымались из ближнего дубового леса и с диким криком металась по небу [Там же: 53]. В мифологии птицы связаны с вершиной Мирового Дерева (у Гоголя – «гайвороны»), человек – со стволом (у Гоголя – «доброму человеку пройти нельзя было»), змей – с корнем (у Гоголя – чёрт, которого автор называет в своём цикле «искусителем рода людского»).

Итак, в цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» изображены двух (небо-земля), трёх (небо-земля-вода/подземелье) и четырёхуровневые (небо–горы–земля/вода–«провалы») пространственные вертикали.

Литература

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. I/ Вечера на хуторе близ Диканьки. Под. общ. ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко. Примеч. А. В. Чичерина и Н. Л. Степанова. М., «Худож. лит.», 1976. – 333 с.